

Юрий Писаренко

**Книга — больше, чем книга
(Два случая ритуального уничтожения книг)**

Казалось бы, роль книги целиком определяется ее содержанием. Тем не менее, непрочитанная в силу обстоятельств книга, как некая «вещь в себе», подчас приобретает особый, практически сакральный смысл¹. Примером тому может служить легендарная «библиотека Ярослава Мудрого».

Особо знакова для людей ситуация уничтожения книг. Вспомним окутанное ореолом мистики — по существу, суицидальное — сожжение Н.В. Гоголем второго тома *Мертвых душ*. Смерть текста сопоставима со смертью самого человека: в обоих случаях осознанию непоправимости утраты противостоит смутная надежда на то, что «рукописи не горят». Что эта вера касается, в первую очередь, книг божественных, подтверждает упомянутое Константином Багрянородным «Чудо о несгораемом Евангелии»².

Темы трансцендентной природы сакральных текстов, независимой от степени их постижения, касается и «духовный стих» о *Голубиной книге*. О содержании этой гигантской книги, якобы объемлющем тайну устройства Вселенной, можно судить только гипотетически, поскольку «на руках держать книгу — не удержатъ, / Читать книгу — не прочести»³. Книга эта связана с потусторонним миром, не имеющим вполне точных координат: выпадая с небес, она, в то же время, — «глубинная», в чем видится не только ее связь с мудростью, но и, собственно, — подземностью. К тому же, признавая мир созданным из частей самого Бога («А и белой свет — от лица божья, / Со(л)нце праведно — от очей его...»⁴), этот «гроссбух» и сам, будто, уподобляется великану Пуруше... Очевидно, мотив божественной книги, в которой прописаны судьбы мира, был позаимствован духовным стихом из *Откровения* Иоанна Богослова и апокрифов⁵.

1 Очевидно, в наиболее полной мере такой «вещью в себе» становились изъятые из обращения по своей ветхости либо апокрифичности тексты, помещавшиеся евреями в т.н. генизы — хранилища при синагогах. После длительного «заточения» в генизах подобные материалы торжественно погребались — часто рядом с могилой мудреца. Древние евреи верили, что содержание истрепавшейся и спрятанной книги отлетает к небесам, как и душа умершего (Дойель Л. *Завещанное временем. Поиски памятников письменности*. М., 1980, 407–408).

2 Брайчевский М.Ю. *Утверждения христианства на Руси*. К., 1988, 51.

3 *Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым*. М., 1977, 210.

4 *Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым*, 211.

5 Калугин В.В. «Кънигы»: отношение древнерусских писателей к книге. *Древнерусская лите-*

Что касается ухода книг из жизни человека, то он случается не только по обыденным причинам. Книгу могут уничтожить, опасаясь ее идей, сжигая, словно еретика, либо, наоборот — принося в жертву, как наиболее ценное. Два последних случая — ритуальны, поскольку ставят перед собой задачи идеологические. И не всегда можно понять, о каком из них идет речь.

В ряде сборников русских былин встречается весьма своеобразный сюжет, воедино связывающий образы «туров-малых деточек», породившую их *турицу*, городскую стену и девицу-Богородицу. Сейчас сосредоточим внимание на описанных в этих былинах непонятных действиях с книгой.

Так, в одной из архангельских былин в записи А.Д. Григорьева туры рассказывают своей матери о том, что, пребывая на Руси, видели, как из башни городской стены

Выходила девица-душа красная,
Выносила она книга евангелиё
Да копала она книгу во сырую во землю,
Она плакала над книгою, уливаласе:
«Не бывать тебе, книга, да на святой Руси,
Не видать тебе, книга, свету белого,
Свету белого да сонця красного»⁶.

По утверждению же *турицы*,

Да не девица выходила, не красная, —
Выходила запрестольня Богородица;
Да не книгу копала да не евангельё, —
Да копала она веру христианьскую;
Она плакала над верой да уливаласе:
«Не бывать тебе, вера, да на святой Руси;
Не видать тебе, вера, свету белого ...»⁷.

Следы этого сюжета сохранились и в ряде других былин. Например, в записанной П.Н. Рыбниковым в Пудогге былине «Батыга и Василий Игнатъевич» туры видели, как

Выходила девица и слезно плакала,
На руках держит книгу свято евангелье,
А не только читает, а вдвоем плачет.

ратура: *Изображение общества*. М., 1991, 102–104.

6 *Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д.Григорьевым в 1899–1901 гг.* М., 1904. Т.1, 117 (№33).

7 *Архангельские былины*, 118.

По разъяснению *турицы*:

— А не девица выходила и слезно плакала,
— А плакала стена городовая,
А она сведала над Киевом незгодушку:
А наехал князь Батыга Батыгович...⁸.

Если у А.Д. Григорьева непонятно чем вызванное закапывание *Евангелия* сопровождается оплакиванием веры, то другие варианты, в которых книга не закапывается, а просто находится в руках или читается, связывают плач девицы-Богородицы-городовой стены с иноплеменным нашествием⁹.

Подтверждение тому, что первоначально речь шла именно о закапывании книги в связи с вражеским вторжением, нашлось совершенно неожиданно. Переказав приведенный былинный сюжет коллегам из сектора исследований Киевской Руси Института истории Украины НАНУ 16.03.2010, от сотрудницы сектора Екатерины Кириченко мы получили следующие интересные сведения. От своей бабушки Антонины Григорьевны Петровой наша коллега слышала такой рассказ. Во время Великой Отечественной войны, в 1943–44 гг., находясь в эвакуации в городке Александров Гай (ныне село) Саратовской обл., А.Г. Петрова стала свидетелем магического обряда: несколько местных женщин, с которыми была и жена офицера, взяв в библиотеке том трудов В.И. Ленина, закопали его в землю, сопровождая это действие какими-то заговорами. Вскоре после этого, по рассказу участниц, им было видение: по местной реке Большой Узень плыла лодка, управляемая двумя красноармейцами. В лодке стоял гигантского роста, с простертой вперед рукой, И.В. Сталин, который произнес: «Победа будет за нами!».

Этот обряд является поздней репликой отраженного в былине ритуала закапывания *Евангелия*, ввиду военной опасности. Очевидно, магическое предание земле *Евангелия* изначально понималось как мера, призванная защитить от врага, обеспечить победу. Если, согласно Симеону Солунскому, «Св. Евангелие является образом Иисуса Христа» (гл. 13 «О храме»)¹⁰, то, возможно, жертвование книги должно было означать реактуализацию божественной жертвы, дабы укрепить родную землю перед лицом катастрофы. При этом интересно, что об-

⁸ *Песни, собранные П.Н. Рыбниковым*. В 3-х т. М., 1910. Т.2, 410–411 (№ 161).

⁹ Еще один вариант былины «Василий Игнатъевич» из Поонежья, в котором туры рассказывают, что над *Евангелием* девица «сколько ни читает, а вдвое плачет», а турица отвечает: «Не душа та красна девица гуляла по стены, / А ходила та Мать Пресвята Богородица, / А плакала стена мать городовая, / По той ли по вере Христианския, — / Будет над Киев град погильбѣ: / Подымается Батыга сын Сергеевич ...» (*Песни, собранные П.Н. Рыбниковым*, 597–598 (№ 194). Ср. 683–684 (№ 209) — Пудожский уезд). См. также № 55 в изданных А.М. Листопадовым «Песнях донских казаков»: «Стояла там красна девица. / Во руках-то держит девица / Книгу незнакомую. / Сама плачет, красна девица, / Плачет, как река, как река льется: / «Вот придет-то на нас победушка, / Да на наш славный Киев, славный Киев-град!» (Цит. по: *Русские народные баллады*. Вступ. статья, подг. текста и примечания Д.М. Балашова. М., 1983, 145).

¹⁰ Вениамин, архиепископ. *Новая Скрижаль. Полное объяснение церковных служб, обрядов, молитвословий и предметов церковного обихода*. Первый русский перевод с 9-го издания К. К-го. СПб. (без года), 16.

раз девицы, в особенности – Богородицы, понимался как олицетворение Земли-территории¹¹, а сама Богородица выступала заступницей от врагов¹².

Следы еще одного магического обряда, где были погребены предварительно сожженные книги, встретились нам в 1994 г., во время раскопок Старокиевской экспедиции по ул. Большой Житомирской, 11. Несмотря на то, что данные об этой находке дважды были опубликованы Я.Е. Боровским и И.И. Мовчаном¹³, ее своеобразие по-прежнему вызывает ряд вопросов.

Речь идет о яме № 4 (раскоп 2), находившейся на возвышении, к востоку от могильника XII–XIII вв. Вся исследованная территория примыкала с юга к современной ул. Большой Житомирской, а в древнерусское время входила в границы «города Ярослава», вероятно, принадлежа к его северной оконечности.

Заполнение ямы № 4 начинало читаться на глубине 1,65 м от современной поверхности. По всему ее периметру тянулась полоса обожженной глины, а середина была заполнена серым суглинком. В плане объект имел форму, близкую к прямоугольнику со сторонами 1,4×0,9 м, и был ориентирован по линии север–юг. Глубина ямы составляла 0,4–0,5 м. Ее стенки полого спускались к неровному дну и были обожжены. На глубине около 0,35 м от уровня выявления объекта в заполнении начали встречаться древесные угольки, обугленные остатки прутьев, частично сгоревшая древесина, зола, фрагменты керамики XII в. По центру ямы было обнаружено нечто, напоминавшее остатки деревянного колышка, вбитого в дно под углом 50°. Его диаметр — 3 см, длина сохранившейся части — 8 см¹⁴ (см. рис. 1).

В северной части ямы было найдено множество бронзовых застёжек от книг, расположение которых говорило о том, что книги были помещены в яму в раскрытом виде. Состав обнаруженных деталей оправ проанализировал Я.Е. Боровский. Застёжки были двух типов: в виде миниатюрных «мечей» (12 целых и 8 фрагментов) и — лирообразные пряжки (2 целые и 3 фрагментированные). Застёжки-мечи по сходству и размерам разбивались на 5 пар, 2 — без пары. Парность застёжек, по мнению ученого, говорит о том, что сожженные книги имели их по две на обрезе переплета и книг было не менее семи (без учета имеющих фрагментов)¹⁵.

11 Топорков А.Л. Материалы по славянскому язычеству (культ Матери-сырой земли в дер. Присно). *Древнерусская литература. Источниковедение. Сб. научных трудов.* Л., 1984, 225–227.

12 Лихачев Д.С. «Пирогощая» «Слова о полку Игореве». Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, 216–219.

13 Боровский Я.С., Мовчан И.И. Книга на Руси (за археологичними знахідками). *Галич і Галицька земля. Збірник наукових праць.* К., Галич, 1998, 18–24; Боровський Я., Мовчан І. Книга в Києві (за археологичними знахідками). *Київський альбом. Исторический альманах, 2002 год.* К., 2002. Вып. 2, 55–60. См. также: Мовчан І.І., Боровський Я.С., Климовський С.І., Писаренко Ю.Г. Звіт про археологічні дослідження Старокиївської експедиції по вул. Великій Житомирській, 11 у м. Києві в 1994 р. К., 1995. *Науковий архів Інституту археології НАНУ*, 28–32.

14 Возможно, речь шла о своеобразном «запечатывании» могилы.

15 Боровський Я.С., Мовчан І. І. Книга на Русі, 20.

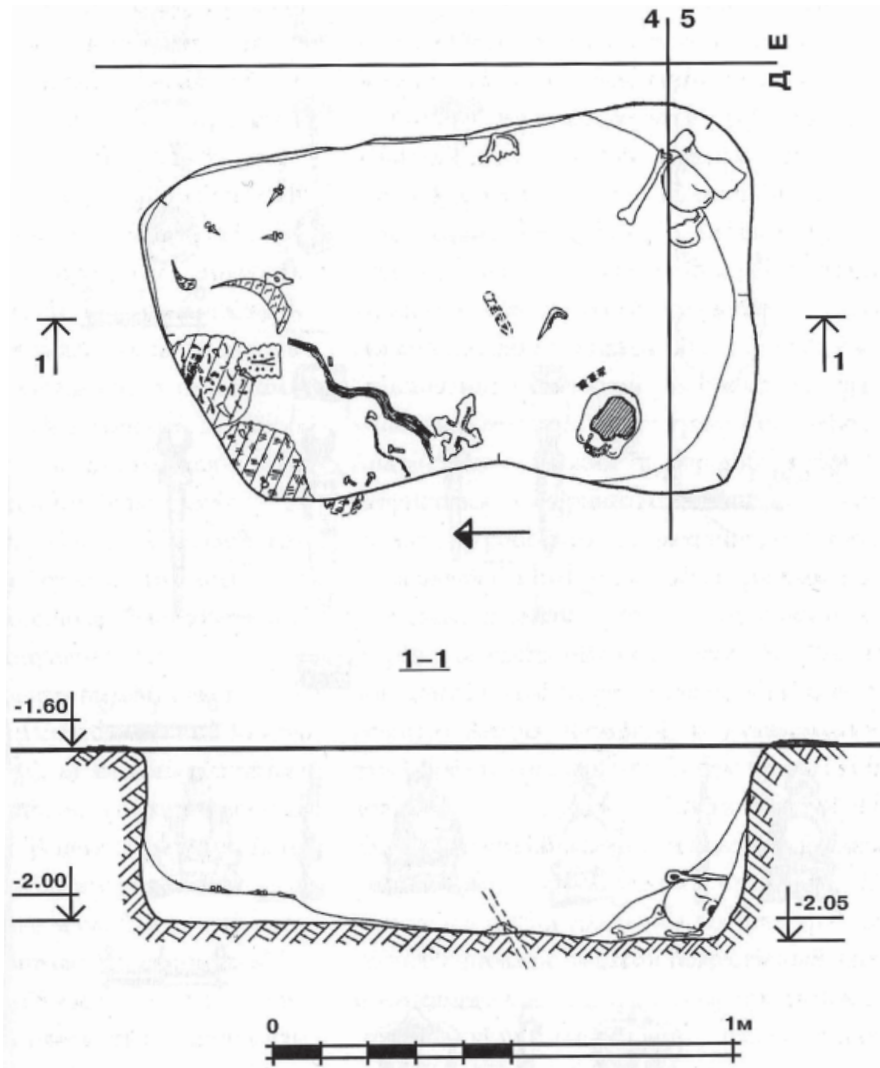

Рис. 1. Общий вид и разрез ямы с сожженными книгами.
Киев. Б. Житомирская, 11. Раскопки 1994 г.

В отдельных местах ямы было обнаружено 27 бронзовых декоративных гвоздей, различных по длине, форме и размерам головки. Был также найден медный посеребренный крест размерами 13,3×9,4 см при толщине 1 мм, который с помощью 8-ми гвоздиков, очевидно, крепился к переплету одной из книг. В специальных отверстиях на кресте сохранился один из гвоздиков длиной около 8 мм. Серебряное покрытие креста почти полностью было уничтожено огнем (рис. 2).

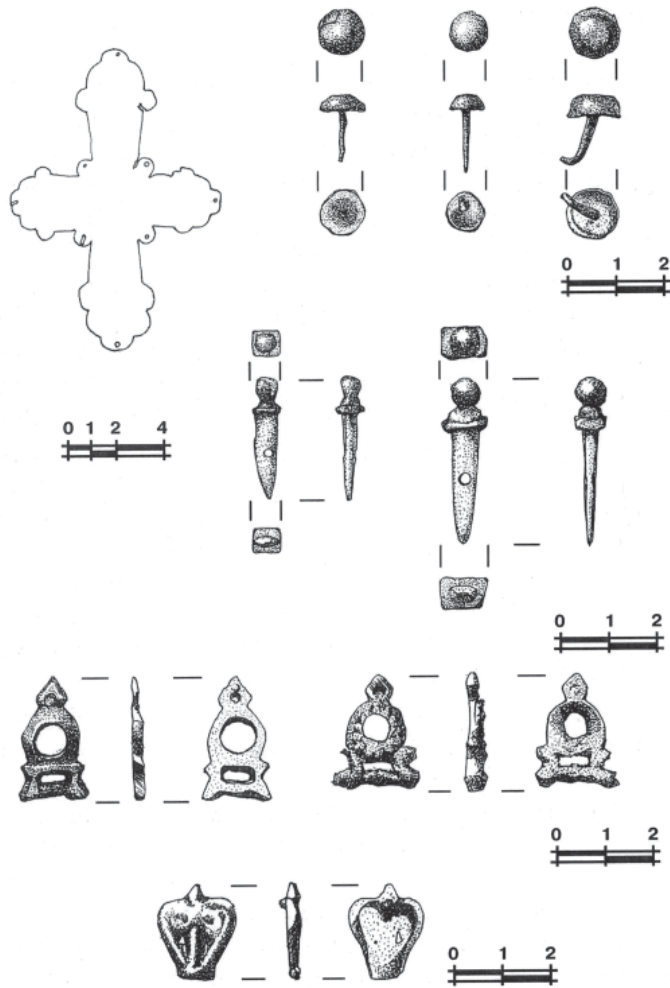

Рис. 2. Детали оформления книжных оправ
(по И. Мовчану и Я. Боровскому)

Ближе к центру ямы зафиксирован скелет птицы (очевидно, курицы) в анатомическом порядке. При расчистке были обнаружены даже небольшие камешки, которые находились у птицы в желудке. Обгорел только самый низ костей ног. Эти детали говорят о том, что птица — очевидно, в качестве жертвы — была положена в костер, когда он догорал, из-за чего внутренние кости не подверглись воздействию огня.

В этой же, центральной, части ямы был найден железный замок с прикипевшим к нему куском бронзы, а также фрагменты тлена кожи (толщиной 2–3 мм)

от оправы книги, куски сгоревшего дерева и пепел, возможно, от досок и пергаментных листов сгоревших книг. Был обнаружен и сохранившийся небольшой фрагмент доски от переплета, с двух сторон обтянутый кожей. Под ней отмечен серый тлен, возможно, от пергамента.

В 30 см к югу от креста лежал перевернутый человеческий череп. В юго-восточном углу ямы был найден еще один череп с последовательно положенными на него сверху ключом и топором (длина рабочей части топора 17,5 см, ширина лезвия 9,5 см). Под черепом встречен фрагмент стеклянной посуды желтого цвета с зелеными прозрачными нитями. Рядом с черепом находились кости ноги и таза человека, а также две челюсти. На одном из черепов сохранился последний шейный позвонок.

Можно согласиться с Я.Е. Боровским и И.И. Мовчаном в том, что яма № 4 содержала следы магического обряда. Сожжение книг относится, примерно, ко второй половине XII в., для которого зафиксирован новый всплеск язычества в городах и княжеско-боярских кругах¹⁶. В то же время далее авторы пытаются связать следы этого ритуала с известным летописным событием — низложением в 1169 г. ростовского епископа Федора. Последний, как известно, был направлен князем Андреем Боголюбским в Киев и здесь, по обвинению митрополита Константина в ереси, предан пыткам и казнен на Песьем острове¹⁷. Кроме того, согласно В.Н. Татищеву, «книги, писанные им, на торгу пред народом сожгли»¹⁸. Именно с учетом этого упоминания о торге авторы пытаются отнести исследованную раскопками территорию к некоему торгу поблизости Софийских ворот¹⁹. Хотя, в таком случае, сожжение книг в бойком людном месте вряд ли сопровождалось бы произведенным здесь же довольно тщательным погребением. Да и порядок этих действий представляется довольно странным: «Очевидно, после казни Федора и сожжения его книг на торгу и был устроен его единомышленниками обряд погребения. Недаром в яму с книгами была брошена птица, ведь Федора его противники, за защиту прадедовских обычаев, называли волхвом²⁰. Возможно, с острова Песьего, где был замучен «еретик», принесли его голову и топор, которым ее отрубили (в юго-восточном углу ямы на череп положен железный топор)»²¹. Согласно этой реконструкции событий, археологически исследованный объект (яма № 4) выглядит как результат некоего консенсуса между противниками и сторонниками Федора, которого, на самом деле, быть не могло. Кроме того, в яме зафиксированы останки, как минимум, двух людей (2 черепа), скорее всего происходящие с близлежащего кладбища. Кости мертвецов особо «могли скреплять» силу магического обряда.

16 Боровский Я.С., Мовчан И. И. Книга на Руси, 21. См.: Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси*. М., 1987, 774–782.

17 *ПСРЛ* 2: 552–553.

18 Татищев В.Н. *История Российская*. Т. 3. М.-Л., 1964, 91; Татищев В.Н. *История Российская*. Т. 4, 276.

19 Боровский Я.С., Мовчан И.И. Книга на Руси, 21.

20 «Ини же волхва его глаголаху» (Патриаршая или Никоновская летопись — *ПСРЛ* 9: 239).

21 Боровский Я.С., Мовчан И.И. Книга на Руси, 22

Очевидно, типичную картину уничтожения «реформованных» книг, воспринимавшихся как еретические, дает история церковного раскола XVII в. В.В. Калугин приводит свидетельство *Сказки* соловецкого чернеца Васьяна Крюкова 1669 г., согласно которой местные ревнители старых обычаев

взяли в ружейной полате новоисправленные книги, и вывезли за монастырь, и просекли пролубь, и на берегу склали огонь. А в тех книгах были Евангелии на престолных и с евангелисты сребренными и позолочены, и Апостолы, и Службеники, и Треоди, и иныя всякия богодухновенныя книги; евангелисты подрали. Да в тех же книгах были на листах напечатаны образы Божии в лицах: образ Господа нашего Иисуса Христа, и пречистыя Богородицы, и Ивана Предтечи, и апостолы, и пророки, и многих святых. Те оне образы видирали ис книг, и драли, и на них плевали, и под наги метали, и топтали, и в пролубь потапили. А которой оброс к верху всплывет, и они копыи и бердуши в лица калоли и под лед подвадили, а достки пожгли.

При этом, как поясняет *Сказка* другого соловецкого старца, Исаяи Слепого, 1669 г.: «А образы, которыя в лицах напечатаны, — те-де кумиры»²².

Сравнивая с этим примером киевское сожжение книг XII в. из ямы № 4, можем констатировать, что в последнем случае вряд ли речь шла об уничтожении книг как таковом. Магический — далеко не христианский — антураж «погребения» — жертвенная птица, черепа, топор, замок и ключ — скорее говорит о том, что здесь с помощью уничтожения книг хотели добиться чего-то большего, преследовали какую-то сверхцель.

Возможно, этот случай и может быть сопоставлен с вышеприведенным закапыванием *Евангелия*, с той лишь разницей, что при раскопках, помимо предания земле, зафиксировано и сожжение — другая, известная славянам форма погребения. Такая языческая процедура могла быть, своего рода, актом отчаяния, вызванным чрезвычайной ситуацией, в которой христианские молитвы уже считались неэффективными. Это могла быть засуха, мор или война, когда богослужebные книги начинали восприниматься, как «глубинные» — больше, нежели текст. Можем предположить, что их предание огню и земле считалось вернейшим способом достижения потустороннего мира и воссоединения с Богом. В жертву приносилось лучшее.

Інститут філософії ім. Г.С. Сковороди НАН України

22 Цит. по: Калугин В.В. «Кънигы»: отношение древнерусских писателей к книге, 112.